

УДК 930.2(=35)
ББК 63.3(29=)

**Черкесский меджлис (1861–1863 гг.):
методологические аспекты этносоциальных исследований**

А.Н. Садовой, М.В. Белозёрова

Федеральный исследовательский центр
«Субтропический научный центр РАН» (Сочи, Россия)

**Circassian Mejlis (1861–1863):
Methodological Aspects of Ethnosocial Research**

A.N. Sadovoy, M.V. Belozzerova

Federal Research Centre "The Subtropical Scientific Centre RAS" (Sochi, Russia)

Статья посвящена исследованию так называемого черкесского меджлиса (1861–1863), который в региональной историографии рассматривается как представительный орган власти субэтносов адыгов (убыхов, шапсугов и др.), проживавших на Черноморском побережье в XIX в. Дана научная критика концепций, представленных в региональной историографии и сети Интернет. На основе структурно-функционального и компаративного анализа историографических источников, обобщены факты и суждения о причинах формирования, структуре и функциях этого социального института; выявлены признаки этносоциального аксиологического аспекта анализа этнопотестарных процессов в приграничных зонах юга России в конце XIX в. Отмечено, что содержание предложенной меджлисом административно-территориальной и социальной реформы имеет высокую значимость в этнической истории субэтносов адыгов Западного Кавказа как один из этапов формирования институтов государственной власти. Рассмотрены возможности интеграции социальных институтов, формируемых субэтнотами Западного Кавказа, в структуру Российской империи и Османской Порты в середине XIX в. Внимание акцентировано на том, что генезис меджлиса как социального института явился ярким индикатором процессов этнополитической консолидации, которые определили специфику региональной национальной и конфессиональной политики в трансграничной зоне юга России в имперский период.

Ключевые слова: меджлис, убыхи, шапсуги, Западный Кавказ, этническая консолидация, структурно-функциональный метод.

The article is devoted to the study of the "Circassian Mejlis" (1861-1863). This social institution "Circassian Mejlis" in regional historiography is considered as a representative body of power of the subethnos of the Adygs (Ubykhs, Shapsugs and others) - the autochthonous population of the Black Sea coast of the 19th century. A scientific criticism of the concepts presented in regional historiography and the Internet, in which the Mejlis is considered as a state authority, is given. Based on the structural-functional and comparative analysis of historiographic sources, facts and judgments about the reasons for the formation, structure and functions of this social institution are generalized. The signs of ethnosocial and axiological approaches to the analysis of ethnopotestary processes in the border zones of southern Russia at the end of the 19th century are revealed. It is noted that the content of the administrative-territorial and social reform proposed by the Majlis is of high importance in the ethnic history of the Adyghe sub-ethnic groups of the Western Caucasus as one of the stages in the formation of institutions of state power. The possibilities of integrating social institutions formed by subethnos of the Western Caucasus into the structure of the Russian Empire and the Ottoman Port in the middle of the 19th century are considered. The focus is on the genesis of the Mejlis as a social institution was a vivid indicator of the processes of ethno-political consolidation that determined the specifics of regional national and confessional policy in the transboundary zone of southern Russia during the imperial period.

Key words: the Mejlis, Ubykhs, Shapsugs, the Western Caucasus, ethnic consolidation, structural and functional research method.

DOI 10.14258/izvasu(2020)5-14

В этнической истории Кавказа автохтонных субэтносов Черноморского побережья «меджлис» (или «Великое и свободное заседание») занимает особое место благодаря широкому спектру оценок этого политического и культурно-исторического образования. С позиции этнографии его можно рассматривать как проявление процесса этнической консолидации, согласно методологическим подходам исторической социологии – как генезис социального института, в соответствии с предметной областью политологии – как создание органа управления, ориентированного на представление этнических интересов на уровне внутри- и международных отношений.

Вариативность оценок меджлиса как историко-социального феномена во многом определяется содержанием категории «меджлис» и не вполне ясными функциями этого социального института. Меджлис или маджлис дословно – «собрание», «место для собрания». Для мусульманских стран меджлисы характерны в общественной (наименование законодательно-представительного органа) и культурной жизни. В качестве примера последнего можно привести литературные и музыкальные меджлисы Азербайджана в XIX – начале XX в., деятельность которых в достаточно полно отражена в историографии. В сферу интересов этих «собраний» органически включались задачи развития национальной литературы и музыкального образования, проведения дискуссий по мировоззренческим проблемам, презентации достижений науки и культуры Запада [1]. Системообразующими связями этих институтов были межкультурные коммуникации на внутриэтническом и межэтническом уровнях.

«Черкесский меджлис» (далее меджлис), созданный в это же время (1861–1863 гг.), не был ориентирован на развитие межкультурных коммуникаций. Этот институт формировался как представительный орган власти равным образом, как меджлисы в Турции и Иране, появившиеся в начале XX в.

При обозначении основных функций (задач) «черкесского меджлиса» проявляется ряд проблем, которые зависят от узкой источниковой базы и проблем региональной историографии по вопросам этнической истории этносов Кавказа. Ограниченный характер источников определил для советских и российских исследователей использование ретроспективного анализа в целях выявления причин создания меджлиса, его структуры и значения для субэтносов адыгов, проживавших в Причерноморье в XIX в. Отрывочные факты рассматривались в историческом контексте исходя из обстоятельств и образа действия всех сторон, участвовавших в Кавказской войне – России, Британии, Турции и других стран мусульманского мира, а также социальной верхушки убыхов и других горских племен.

В работах советских исследователей отмечалось, что в анализе данного социального института можно опираться на такие, например, источники, как свидетельство кутаисского генерал-губернатора, который в свою очередь ссылался на письмо черкесов, обратившихся к британскому консулу в Сухуми [2, с. 174] и на воспоминания участников боевых действий в период Кавказской войны в Причерноморье. В соответствии с марксистско-ленинской методологией особое внимание акцентировалось прежде всего на социальной (классовой) стратификации населения Причерноморья, перспективах интеграции традиционных социальных институтов населения в российское общество, уже вступившего в этап системной модернизации после отмены крепостного права в 1861 г. и в период буржуазных реформ. Это определило ситуацию, при которой структура меджлиса и решаемые им задачи были не столько реконструированы, сколько смоделированы советскими исследователями [2, с. 173, 175–178; 3].

Результатом смены научных парадигм в общественных науках в конце 1980-х – начале 1990-х гг., изменения политической конъюнктуры, возможностей получения субвенций федерального центра на реализацию целевых программ социально-экономического и культурного развития отдельных этносов России, финансирования исследований международными программами и фондами стало формирование в региональной историографии тенденцией по переоценке значимости меджлиса как органа политической власти [4, с. 32, 33]. Вместо социального (классового) стал более отчетливо проявляться этносоциальный аспект анализа. Оценка исторических событий XIX в. основывается в настоящее время на представлениях публицистов и региональных политиков о необходимости противопоставления «этнических интересов».

В связи со сказанным назрела задача оценки обоснованности тезиса, получившего широкое распространение в региональной историографии 1990-х – начала 2000-х гг., что «черкесский меджлис» был сформирован как институт государственной власти. Для этого предлагается на основе историографических источников проанализировать наиболее устойчивые представления, сложившиеся в историографии в целом о причинах формирования меджлиса как органа власти, его структуре и решаемых им задачах, выявить основные функции (детерминанты) меджлиса как социального института, определить перспективы интеграции меджлиса в структуру Российской империи и Османской Порты.

Информационная емкость использованных источников и характер поставленных задач определяют выбор в качестве основных методов структурно-функциональный и компаративный анализы. Согласно предложенной методике выбран следу-

ющей алгоритм технических приемов: обобщение информации, содержащейся в историографических источниках (факты, установки, представления и суждения), что позволило отразить структуру меджлиса; моделирование функций структурных элементов и определение их устойчивости; поиск аналогов в социальных институтах государств, сопредельных этнической территории черкесов/адыгов Причерноморья.

Меджлис был создан 13 июня 1861 г. «в 17 день зильхиджа 1277 г.» в долине реки Сочи (или Сочапста) на этнической территории убыхов. В состав меджлиса входило 15 «улемов», представлявших три «племенных союза» (убыхов, шапсугов, абадзехов). В региональной историографии [5; 6, с. 152–153] представлен тезис о проведении меджлисом административно-территориальной реформы, введении на ее основе единой налоговой и «воинской повинности» (по 5 всадников от 100 дворов). Проявлялось это в «объединении» всех территориальных общин Причерноморья в 12 округов, для каждого из которых определялись муфтии, кади, заптие (запти), мухтары (старшины). На уровне округа и территориальных общин реализовывались следующие функции назначаемых и выборных лиц: исполнение «повелений» меджлиса, распределение и сбор податей, наблюдение за выморочными имениями, формирование ополчения. Предполагалось, что меджлис как постоянный орган управления должен сосредоточить всю полноту власти (законодательной, исполнительной, судебной); на уровне округа исполнительная власть и полицейские функции были сконцентрированы в руках «заптие» [7].

Необходимо отметить, что как в первичных, так и в историографических источниках нет информации о наличии делопроизводства меджлиса, ходе проведения реформы, формировании «вертикали власти», согласования кандидатур сельских старост на уровне округов. Учитывая это, а также недолговременность его существования (около двух-трех лет), вхождение в политический союз «демократических племен» абадзехов, шапсугов и племен убыхов, сохранивших «аристократические формы» правления, возникает вопрос не только об устойчивости меджлиса как социального института, но и об имманентных причинах его формирования и внутренней предопределенности декларированных реформ.

В историографии советского периода анализ этих процессов проводился исходя из формационной теории, с фиксацией внимания на внутренних и внешних факторах, определивших генезис данного института власти. Так, известный ленинградский кавказовед Леонид Иванович Лавров (1909–1982) акцентировал внимание на имманентном факторе формирования меджлиса, обусловленного обострением классовой борьбы внутри убыхского об-

щества. Аргументом в пользу данного тезиса стал анализ противоречий внутри убыхского общества и социального состава меджлиса. Л.И. Лавров отмечал, что инициаторами создания меджлиса и во главе его находились не рядовые общинники и связанное с ними мусульманское духовенство, которые ранее организовывали племенные союзы, а социальная верхушка «куашха». Резкое обострение классовых противоречий, особенно в 1860 г., сближение убыхов с другими племенами (черкесами, абхазами) в их совместной борьбе против России, по мнению исследователя, способствовали укреплению сплоченности общинников, которые могли более организованно выступать против племенной верхушки. В этой ситуации «куашха» должны были стать сторонниками идеи объединения горцев и возглавить «всенародную войну против царской России», для чего и был создан меджлис как аппарат управления массами, принуждения и насилия над населением [3, с. 182–184].

Несколько иную позицию на основе дореволюционных источников высказывал А.В. Фадеев. Он считал, что детерминирующим фактором создания меджлиса был внешнеполитический, и рассматривал российский фактор как военный, так религиозный. Ислам выступал среди местного населения в качестве объединительного и набирающего силу фактора, который противостоял «российскому христианству» [2]. О характере иностранного вмешательства в социальные процессы у населения Причерноморья, по мнению А.В. Фадеева, свидетельствует Семен Спиридонович Эсадзе, полковник, участник войны, военный историк. С точки зрения последнего, меджлис был образован на идее «черкесского суверенитета» и на основе согласия продолжить войну с Россией при международной поддержке – английских, французских и турецких эмиссаров, проводивших агитацию в среде горского населения [8, с. 76, 77]. Далее А.В. Фадеевым было акцентировано внимание на текущей этносоциальной обстановке. Он считал, что меджлис был только проектом социальной реформы, а неразвитость общественных отношений, патриархальные традиции, родовая разобщенность, внутренние социальные противоречия и другие факторы делали его осуществление «утопичным», так как он не «подрывал» влияния представителей родовой и феодальной знати и не уничтожил родовую разобщенность [2, с. 175–176]. В то же время исследователь отмечает историческое положительное значение попытки формирования светской государственности по сравнению с конституцией имамата [2, с. 177].

Таким образом, можно отметить, что социальная идея меджлиса не соответствовала вековым укладам общественной жизни горцев, система административно-территориальной соподчиненности

за два-три года функционирования меджлиса не могла быть создана. Для этого не было ни управленческого, ни финансового ресурса.

Традиции комплексного анализа социально-экономических и этнополитических процессов, характерные для советского кавказоведения, были прерваны в конце 1980-х – начале 2000-х гг. Концепции Л.И. Лаврова, А.В. Фадеева, других этнографов и историков были выведены за рамки исследований региональных авторов. В то же время составляющие положения этих концепций не были опровергнуты [4]. В региональной историографии была изменена предметная область: внимание было акцентировано исключительно на проблемах истории «национальной государственности». Без введения нового корпуса источников или использования иного научного инструментария рядом региональных исследователей «черкесский меджлис» стал рассматриваться как «парламент» [7], а его руководство – как «правительство Черкесии», представленное в «черкесских комитетах», находившихся в Стамбуле и Лондоне [9, с. 167–168]. На основе этих социальных установок выводилось положение о том, что «Черкесия» во второй половине XIX в. являлась субъектом международного права [7; 10], а как административно-территориальное образование имела однозначные признаки государственного образования – конфедерации.

На первый взгляд для подобных предположений есть определенные фактические основания, неоднократно отраженные в историографии. Так, на внешнеполитической арене меджлис однозначно был ориентирован на получение поддержки «суверенитета» основными противниками России. К таким фактам можно отнести посещение делегацией во главе с Измаилом Дзиашем Османской Порты с петицией (1862), содержащей просьбу о помощи, обращение Лондонского Черкесского комитета, возглавляемого Э. Билзом, в Кабинет министров Британии с требованием отправить торговый флот к берегам «Черкесии» для поддержки «черкесского правительства» [2, с. 179; 11, с. 83–87], декларацию с аналогичным тезисом в единственном нормативном акте «Меморандуме к Александру II», в котором от лица «народа» заявлялось о создании нового государства «Черкесия».

Отметим, что последний документ нельзя рассматривать в качестве памятника «государственного права», так как он не содержит конкретных сведений ни о форме государственного устройства, ни о слое земельных собственников как социальной опоры вновь сформированного «государственного образования». Более того, прослеживается явное соответствие идей, зафиксированных в меморандуме, и основных положений «Декларации черкесской независимости» [12], в которой выбор формы госу-

дарственного устройства на основе наследственного права собственности на этническую территорию вводился в контекст почитания султана Османской Порты в качестве «верховного лица мусульманской веры» [2; 12].

Оба эти документа входили в противоречие с действующими нормами международного права, сформулированными в Адрианопольском (1829), Ункяр-Искелесийском (1833) и Парижском (1856) договорах и зафиксировавшими отказ Турции от территории Западного Кавказа. Напомним также и тот факт, что в региональной историографии представлен тезис о формальном характере подчиненности населения Черноморского побережья Османской Порте в период, предшествовавший русско-турецким войнам. Это положение было введено во второй половине XIX в. английскими эмиссарами в Турции, заинтересованными в перманентной дестабилизации ситуации в новых границах России [13]. Таким образом, сформулированный в Британии текст Декларации позволяет дать оценку «суверенитета Черкесии» как «британского проекта».

По сюжетам, связанным с иерархической соподчиненностью органов власти, формируемым на низовом уровне меджлисом, можно только предполагать, что в условиях отсутствия у большей части населения традиции прямого подчинения органам местного самоуправления основной проблемой для меджлиса при проведении административно-территориальной реформы стал выбор форм «окружной» исполнительной и судебной власти. Законодательная власть сохранялась за столами территориальных общин. В этой связи акцентируем внимание на том, что в современной региональной историографии [7; 13] не приведено фактов, позволяющих выявить представления членов меджлиса (улемов) о будущей структуре власти на местах, о системе функциональных связей формируемой власти с институтом недвижимой (земельной) собственности.

В итоге, Российская империя, по сути, отказалась интегрировать в структуру государства данный меджлис как институт власти. Можно отметить ряд факторов, которые могли повлиять на такое решение. Кавказская война вступила в завершающую фазу. Это снизило активность горцев и стимулировало идею политической консолидации. Хотя определенная деятельность продолжалась, что отмечено в региональной историографии, в частности, обращения меджлиса к иностранным государствам. Основная цель данного обращения – «предстать» перед Европой и Турцией «цивилизированным народом» с целью достижения официальных договоренностей и получения поддержки для продолжения войны против России [7, с. 16].

Требование же России заключалось в безусловном подчинении. Учитывая, что по итогам русско-

турецких войн Российская империя присоединила территории, население которых находилось под протекторатом Османской Порты, это позволило игнорировать мнения европейских политиков о необходимости признания «суверенитета» черкесов только на основе их желания или создания новых органов власти. Основания для такой позиции у российского правительства были. В обширном перечне источников по истории дипломатии XVII–XIX вв. нет договоров о признании иностранными государствами, включая и Османскую Порту, факта существования какой-либо формы государственного объединения черкесов/адыгов на территории Западного Кавказа. Этот район однозначно рассматривался как исторически находившийся в системе политических, экономических и религиозных связей с Турцией и Крымским ханством до его ликвидации в 1783 г.

То, что на территории так называемой Черкесии отсутствовали органы власти Порты (за исключением крепости Анапы), а адыгские субэтноты рассматривали себя в качестве «независимых», принципиально ситуацию не меняло, если учесть политическую традицию империй в XVIII–XIX вв. придавать полиэтничному населению пограничных районов особый правовой статус. В качестве примера можно привести ряд пограничных районов Российской империи, где вплоть до середины XIX в. сохранялась система национального самоуправления и судопроизводства на основе норм обычного права этнических меньшинств [14; 15]. Аналогичный «имперский» подход к пограничным территориям был и в Османской Порте. С 1784 г. на Западном Кавказе Порты интенсивно осуществляла строительство мечетей, проводила курс на провозглашение султана как символа религиозной и политической власти, а также шло заимствование некоторых элементов управления Порты (назначение междисом в каждом округе муфтия, кадия и мухтара) [16].

Следовательно, фактически междисом декларировался отказ от модели интеграции субэтнотосов Западного Кавказа в состав Российской империи: в предоставлении населению правового статуса «российского дворянина» для национальной верхушки и «государственного крестьянина» для тфокотлей (крестьян-земледельцев). А ориентация междиса на сохранение возможности придания борьбе за суверенитет лозунгов «газавата» отвергала возможность вхождения формируемого слоя имамов в страту рос-

сийского духовенства. Помимо этого, вхождение в состав междиса представителей, из поколения в поколение выступавших противниками России на Кавказе, угроза трансформации региона в имамат также стали причинами отторжения междиса как субъекта договорных отношений [10; 17; 18, с. 8–36]. Междис однозначно не рассматривался военной администрацией России как парламент, а меморандум и «Декларация» – как источники конституционного права, способствовавшие интеграции «Черкесии» в Российскую империю. Иных социальных институтов, которые могли бы выступить субъектами договорных отношений, на Западном Кавказе не сложилось.

Таким образом, на основе структурно-функционального анализа историографических источников прослеживается, что основными (детерминантами) функциями междиса как социального института стала борьба за сохранение «status quo» национальной элиты в системе межгосударственных, конфессиональных и межэтнических связей, сформировавшихся в период, предшествующий Кавказской войне. В связи с этим улемами междиса не рассматривалась возможность интеграции традиционной социальной организации в состав Российской империи. В структуре социального института не были разграничены законодательные, исполнительные, судебные функции. Не был завершен и процесс формирования «вертикали власти». Этим и определилась ситуация, когда сведений о характере деятельности «должностных лиц» на уровне «формируемых» междисом округов не сохранилось.

Не случайно, корпус источников, введенный в научный оборот представителями региональной историографии в 1990-е – начале 2000-х гг., не содержит информации, позволяющей сделать вывод о том, что создание «черкесского междиса» однозначно свидетельствовало о завершающем этапе процесса этнической консолидации. В то же время реализуемый междисом проект социальной реформы, безусловно, имел высокую значимость в этнической истории субэтнотосов черкесов/адыгов Причерноморья как этап формирования институтов государственной власти. Генезис этого социального института стал ярким проявлением процессов этнополитической консолидации и фактором, определившим региональную специфику проводимой российским государством национальной политики в трансграничной зоне юга России.

Библиографический список

1. Вагабова Э. К вопросу о литературно-музыкальных междисах в городах Северного Азербайджана

(XIX – начала XX вв.) // Aspectus. Международный научный журнал. 2015. № 4 (9).

2. Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. № 4. Л., 1935.
3. Лавров Л.И. Убыхи. СПб., 2009.
4. Белозёрова М.В. Цивилизационный подход в исследованиях общества Западного Кавказа: методологический аспект // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. 2018. № 43.
5. Берзедж Н. Изгнание черкесов (Причины и последствия). Майкоп, 1996.
6. Половинкина Т.В. Черкесия – боль моя. Исторический очерк (древнейшее время – начало XX в.). Майкоп, 2001.
7. Чунтыжева Р.В. Сочинский меджлис: опыт общественно-политического творчества адыгов в XIX веке // Вестник Майкопского государственного технологического ун-та. 2014. Вып. 4.
8. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. Майкоп, 1993.
9. Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002.
10. Панеш А.Д. Создание Черкесского государства // Информационный портал Голос. Адыгемакъ. URL: <http://www.adygvoice.ru/newsview.php?uid=4408> (дата обращения: 10.10.2015).
11. Инал-Ипа Ш.Д. Убыхи. Историко-этнографические очерки. («Обращение к английской королеве от 26 августа 1862 года черкесских делегатов от Союза черкесских племен»). Сухум, 2015.
12. Дзамихов К.Ф. Из документальной истории Кавказской войны: «Декларация черкесской независимости» (Declaration of Circassian Independence, Addressed to the Courts of Europe. In: The Portfolio, Or a Collection of State Papers, Illustrative of the History of Our Times. Vol. I. London: James Ridgway and Sons, Piccadilly. 1836. 519 pp.). Нальчик, 2014.
13. Басиева З.М. Роль Дауд-бея Уркурта в обострении черкесского вопроса в 1833–1837 гг. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2001. № 4.
14. Садовой А.Н. Народы Южной Сибири в XIX–XX вв. Этносоциальные аспекты патернализма : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000.
15. Sadovoi A. Rusya'nin Ulusal Politikasi Ve Guney Sibirya'nin // TurkHalklari. Ankara, 2002. № 18.
16. Чечуева А.К. Османская империя и Северо-Западный Кавказ в XVIII столетии // Вестник Адыгейского ун-та. Серия 1. Вып. 1. Майкоп, 2007.
17. Берзек (Берзег) Хаджи Керендук Догомуко // Информационный портал Адыги.ru URL: <http://adygi.ru/index.php?newsid=102064> (дата обращения: 10.10.2015).
18. Садовой А.Н., Белозерова М.В. Методологические аспекты реконструкции социальной стратификации автохтонного населения Причерноморья в конце XIX – начале XX вв. Разработка методов экспертной оценки и прогноза качества жизни населения (промежуточный отчет). СНИЦ РАН. № гос. регистрации 114100740110. Сочи, 2015.